

«Внучкины сказки»

Малыш и булка

Вернулся Карлсон, съел ватрушки и варенье,
Пропеллер ловко шоколадным смазал маслом,
Сказал: «Малыш, ведь у тебя же день рожденья!»
«А у меня и малыша-то нет. Напрасно
Преодолел ты путь из Швеции в Россию,
Зря тратил топливо ванильных взбитых сливок,
Глазурь клубничную, свои мужские силы...»
Присел один на подоконник: «Что за диво?
Я знаю точно, здесь малыш, ему лет десять,
Ты, тётя, лжёшь, домомучительница, видно»
Искал в шкафах, и под матрасом, и на кресле,
Катался по полу и плакал от обиды,
Летал по комнатам кругами с диким воплем,
А после люстру уронил, разбил шкатулку,
Чудил как маленький, развёл тут слёзы – сопли.
«Ты извини, но торта нет... попробуй булку».

Хорошая баба

В руки берёт метлу. Ловко заводит ступу,
Чистит от шлака печь, вытащив пироги.
Даже Горыныч змей прячется под скорлупкой.
Нечисти нет в лесу чище самой Яги.

Быстро метёт крыльцо, после – дороги в сёла,
Носит на свалку груз – тары пивной вагон.
Ей пожилой кощей верит беспрекословно:
Штопает облака баба его иглой.

После, чертей собрав, потчует их отваром
Вкусных душистых трав, делая их добрей,
Кормит своей стряпнёй, веником в баньке парит.
Леший в её дому мёдом зовёт пырей.

Если какой Дурак в хату её ввалился
Дерзко так, не спросясь, дверь отворив ногой,
То невдомёк ему, каждая Василиса
Где-то за шестьдесят делается Ягой.

Кошкин дом

В кошкином доме смешались затейливо
Чашки, фонарики, сказки, стишки.
Кошка волнуется. Скатерть постелена.
К свечкам ночные летят мотыльки
Традиционно. Наряды изысканы:
Дамы в перчатках, во фраках мужья,

А за окошком чудовища рыскают,
Хищные птицы над крышей кружат.
Белые мыши в серебряных клеточках,
Деточки с ложкой во рту золотой...
Врач говорит, что такое не лечится.
Врач допивает целебный настой.
Будет застолье и музыка с танцами,
Ёжик небритый, курносый тапир...
А за окошком метель надрывается
В гневе, что не пригласили на пир

Алый парус

Алый парус в море сгинул, чтобы снова возвратиться
Через много лет, быть может, в руки девочки другой.
Каждый год ронять надежду будут липы по крупнице
С постаревшей плотью листьев с юной поросли суков.

В необъятное зачем ты эту шепку отпустила -
Даже маленькой волной её накроет круговерть?
Чтобы ты ему приснилась слишком много надо силы -
В край далёкий как по почте не отправить твой портрет.

Просто местный сумасшедший, для которого все сказки
Перешли полосу «финиш» и умолкли в голове,
Белый флаг порвал на тряпки и теперь кромсает красный,
Оттого что всё едино для него, а ты не верь.

На песке игрушку вскоре подберёт пацан соседский,
Бросит шалости и снасти, мореходством заболев.
От ладошки нерешительно отчаливает детство,
Чтобы снова возвратиться через много-много лет

Мышата

Жили да были старик да старуха. Кушали хлеб, пили квас – без затей. Странника в хату пускали без стука. Только беда – не имели детей. Мышка-норушка ту пору растила серых мышат, но попала к коту. На издыханье последнем просила деток беречь пожилую чету. «Вырастим, будто своих, – обещаю» - дед поклонился и подпол взломал. Баба в ответ головой покачала, поковыляла за салом в подвал. В подполе хатка из ветхого лаптя с люлькой из варежки мехом вовнутрь. Проголодавшись, пищали мышата. В горницу дедка их снёс, где уют. Баба нарезала хлеба и сала. Ели мышата всю ночь и весь день. Смаявшись, бабка и дед задремали. Утром приёмшей нету нигде. Мурзик мотает откормленной мордой: «Некогда мне ваши игры играть! Я, - говорит, - невиновен». И гордо дёрнул хвостом и полез на кровать. Бабушка плачет, сморкается в фартук. Как одуванчик старик поседел: «Мышка, прости, не сберёг я мышаток». В скорби они провели целый день. К вечеру в хату насыпали детки в серых рубашках на сельский манер. «Ах, - удивляются бабка и дедка, - сколько гостей к нам сегодня!». «Да нет, мама, ты шутишь? какие ж мы гости? Нам бы поужинать. Здравствуй, отец. Мы наработались, голодны очень»... Так и зажили.
А сказке конец!